

Дмитрий АН
Невозможное возможно

Светлый Начало

DareToBelieve

часть 3

Дмитрий АН
Невозможное возможно
часть 3
2011 г

Часть 3

В которой:

Хоть предначертанные свыше издревле события ближе и обещанный пророками глобальный Апокалипсис вскоре предстанет во всей красе, а божественное провидение уже ощущается незримо в самой сути пространства жертвенного мира Земли, что ожидаемо многими сгинет буквально вот-вот, а пророки всех уровней уже готовы завопить в исступлении, что они «предсказывали», наслаждаясь эффектом, но...

Странная суета в поднебесье в эти окончные часы дней земного мира не даёт расслабиться его обитателям, что ждут событий с нескрываемым нетерпением, как завершение грандиозного проекта с раздачей давно известных наград, выгод и своих повышений.

На Земле же, однако, по инерции доживают, наслаждаясь последними годами своего существования люди, подспудно чувствуя, что их привычный земной мир уже завтра распадается под гнётом пороков и захватившими людей страстей и, кляца ударами катаклизмов, вот-вот поглотит их бытиё, предрекаемый неоднократно прорицателями, Апокалипсис. Люди даже везде «видят» знаки вожделённого ими краха Мира, что лишь укрепляет их в вере Апокалипсиса! И оттого одни люди придаются буйству страстей, последних наслаждений, дележа имеющегося, стремясь успеть насладиться, а другие погрузились в пелену апатии вялотекущего стабильного бытия, что и понятно, ведь люди поодиночке слабы, что они могут сделать, если сами небеса за них всё решили уже давно? Их Судьбу, Их быт, Их Житиё. Людям остаётся лишь молиться и уповать на милость небес, считая себя слабейшими, ноя и моля небеса о благости и даровании ещё и ещё дня существования. Впрочем, некоторые, понимая, что раз уж всё так безнадёжно, назначают себя пророками и избранными, пытаясь хоть так получить выгоду из всеобщего страха пред грядущим, хотя они также как и остальные трусят, веруя в обречённость мира.

Но что это в невозмутимом существе поднебесья такое? Один, другой... Странные посетители прошествовали на Землю мимо взбудораженных ожиданием обитателей

небес?! Не просто прошептали, а всецело погрузились в Мир, целиком предназначенный самим Небом к безжалостному Апокалипсису Жатвы ещё с посевом оного на заре времён зарождения этого бытия!

Неужели кто-то решил добровольно сгнуться в пламени геенны земного Апокалипсиса?! Или...

О, ужас небес, неужели некто готовит небесам достойный ответ со стороны этих беспечных, ленивых, возвеличивающих себя за счёт таких же, топящих друг дружку, недовольных всем и вся, желающих бесконечных наслаждений и ничегонеделания мягкотелых людей Планды Земля?! Неужели кто-то намерился смешать нетленные вечные космические карты небесных правителей? Неужели кто-то может решиться кинуть вызов самому Небу и даже возможно самому Вершителю?!

Возможные совпадения с событиями и людьми абсолютно случайны.

Оглавление

[Глава 4. Светлый](#)

[Глава 5. Начало](#)

Глава 4. Светлый

Ничего необычного в очередной прибывшей партии с обычного мира небыло. Однако пытливым взором Вершителя выхватил нечто необычное. Он и раньше, ещё на подходе, обратил внимание на эту необычную сферу света среди прибывающей очередной партии материала. Это было необычно, если не сказать впервые для него. А он перевидал немало.

А необычного на этот серый день уже хватало. И, похоже, не оно собиралось прекращаться! Что сегодня у них там, в мирах, «прорвало»? Свет прибывшего был необычен - светел, что абсолютно необычно и исключительно редко для этого Серого Мира Существования. Он оттенял серость этого мира своей белизной, делая этот мир, рядом с собой, каким-то тусклым, облезлым, помятым и обшарпанным. Такое забыть уже не получится после, увидев раз. Вершитель почувствовал в себе поднимающуюся волну сомнения в исключительности этого Серого Мира! Сомнения в Нём? Это необычайно!

Чистым сгустком не был, но и грязным не назвать. Прозрачным не был, но белый свет был чрезвычайно необычен, ярок и чист в своей светлости. Так, наверное, видят этот серый мир прибывшие из миров, белым и светлым, тёплым и приветливым, им не с чем сравнить, и они благоговеют! Легко быть небожителем и Богом в такой ситуации Вершителю, да и любому из существующих там. И распорядителей всегда принимают за Богов, или что-то высшее, заведя их впервые, да и не только впервые. Это они ещё не видели Вершителя! Но в подавляющем большинстве, встреча с распорядителем, или на крайний случай с восстановителем, который после очистки и корректировки отправляет обратно, остаётся в памяти сгустков чем-то сверх их сознания. Они после ещё долго не могут отойти от великолепия зрелища. И к этому в этом распределителе все привыкли. И всегда дают возможность прибывшим прийти в себя, наблюдая, как те исполняют местные танцы почитания своего Бога. Тут кто во что горазд. И откуда они столько выкрутасов придумали? Им там делать в мирах больше нечего? Вершитель стал на своей должности почти философом, и ему часто нравилось рассматривать суету в его аппарате, просто созерцая. Возможно, это была зацикленная заостенелость застоявшихся частот энергий его кокона.

Вершитель задумчиво следил за светлым сгустком - тот не был ни большим, ни маленьким, ни кривобоком, как практически весь материал с миров. Стараясь не

вляпаться опять во что-то этакое, ему ещё не понятное, Вершитель не шевелился, и был так же сер, как и остальной мир. Только тут, смотря на белый свет стустка, Вершитель видел свою серость. И в этом было унижение для него, и даже принижение его мира, который он считал высшим! Это не была прозрачность первого стустка. Это не была напористость другого тщедушного стустка, это был Свет, белый и непонятно чистый в своей белизне. Он выделялся из общности стустков, он вообще выделялся!

Не зная, как себя вести, Вершитель ждал. Светлый был просто светлый, вёл себя уверенно и обычно, как если бы он тут бывал и был всегда. Неспешно пройдя к распорядителю, посмотрев на него, светлый произнёс – «что-то тебя тут раньше не видел, новенький»? Ошарашенный такой наглостью распорядитель молчал. Он был довольно опытным и старейшим работником, возможно даже сродни Вершителю, но чтобы его назвали новеньким?! Это был всё тот же распорядитель, с которым общались странные стустки этого странного серого дня. Карма у него такая что ли, задумчиво философски мыслил Вершитель.

Вершитель никак не мог прийти и успокоить себя от визита предыдущих стустков, а зависть всё ещё висела в нём беспокойным вихрем, так и подмывая его к чему-то. К зависти добавилось унижение его устоев серого мира, которые он считал незыблемыми и максимально возможными! И вот их буквально попрали в его присутствии, даже не спросив его, вообще не обращая на него, Вершителя Судеб Миров должного внимания! Вообще никакого внимания! Это было верхом наглости! И какой наглости! Наглости извращённой, тонкой, и дерзновенной, которую, до сей поры, только он себе мог позволить, и то для этого он прикладывал усилия! А эти? Эти нагтели даже своим игнорированием его! Это было непостижимо! Но Вершитель был опытным интриганом и решил не лезть раньше нужды в вихрь событий.

Белый вёл себя не просто уверенно, но и привычно обыденно, как если был дома, а может, он и был дома? Не понимая, что в нём такого необычного, Вершитель присмотрелся и, не веря себе, не веря но, понимая, что такое есть - различал прожилки жизни в структуре стустка! Светлый не весь был в единстве их, как первый стусток, это не была не тонкая поверхностная поволока, как у тщедушного стустка, а законченные тонкие ниточки жизни, уходящие в структуру! Эти тонкие в своей чистоте ручейки прожилок погружались в глубины естества стустка, не нарушая необычности и яркого света его, как витиеватые нитки рек! "Чудны дела твои Господи" - пронеслось у Вершителя в коконе, и он опасливо обозрел кругом -

всё шло привычно. Вершитель не знал, было ли это необычно просто так, или необычно очень, но чутьё его ему подсказывало, что это не просто так!

На всякий случай Вершитель решил пока не отсвечивать, мало ли что, пусть лучше распорядителю достанется. Вершитель уже не знал, что и предположить, вспоминая тумачи тщедушного стустка. Этот Светлый если и начнёт звездить, то мало не покажется! Но ничего не происходило. Светлый без смущения и сомнений, уверенно протянул вихрь и просмотрел несколько экранов у распорядителя. После обыденно прошёл мимо стола распорядителя, и... Просто прошёл сквозь стену! Через стену ходить не сложно, это не было необычным, и не то чтобы было не принятым в этом сером мире, многие старались не пользоваться этим, подражая мирам воплощения, чтобы не терять навык. Необычным было то, что Светлый не вышел с другой стороны! Вершитель просмотрел Мир, но Светлого не было! Показалось, с сомнением протянул Вершитель. По поверхности же кокона распорядителя бежали волны непонимания, что могло означать только одно – Светлый тут был! Вершитель его реакции и что важнее себе верил! Должен же он верить хоть кому-то?! Но... Куда Светлый делся и как?

Вершитель понимал, что не понимает в привычном ему мире, где он и только он - Все, Всё и Вся, и его буквально топтали на его территории! Даже не напрягаясь топтали, унижали, растирали в пыль! И делали это при нём же! Их коварство, а как иначе расценить эти поступки, было сильнее, и намного, чем мог предполагать Вершитель! Мир, который он знал - оказалось, он не знал! Он, Глава аппарата Судеб! Он, главный каверзник и мастер потаённых дел! Его как тусклый стусток окунули в бездну, где его охватила паника! Паника не была чувством, она была чем-то непонятным для Вершителя. Когда-то в молодости они развлекались над молодыми рыхлыми стустками, коварно посулами сладких чувств заманивая их в бездну, где они исходили на самые постыдные эманации от охватывающего их страха. Но это было тогда и с рыхлыми стустками! Вершитель чувствовал, как постыдные эманации, предательскими струйками сочатся через его непробиваемый, как ему казалось, кокон. Он тёк, тёк как глупый, рыхлый, тусклый и тщедушный грязный стусток, и не понимал, что с ним. Но он тёк, и кто? Вершитель! Он не понимал как это, и это было во много унижительней, ибо на него даже не обращали внимание! На него, первейшего их первых тут!

Светлый стусток вынырнул из соседней стены так же обыденно, как и ушёл туда. Но у него были папки с бумагами! Порывшись в них, он удалился опять и снова исчез! Это не могло быть видением или чем-то случайным! Стусток явно знал

больше чем Вершитель! Это было откровенное надругательство над мнением собственного величия Вершителя! Светлый показался за спиной распорядителя и, приблизившись к нему, спросил про какие-то чертежи. Пролистывая папки, посмотрев на экраны распорядителя, двинулся в сторону портала, рядом с которой стоял Вершитель.

Вершитель без всякой надежды на успех, запросил дело светлого стуска. И оно было! Это его шокировало, ибо с таким делом Вершитель ещё не встречался! Оно было, но оно было пустым! Да, дело несомненно этого светлого, но почему пустое? Пустота была необъяснима и просто необычна!

Светлый, проходя мимо Вершителя, ласково повёл светлым вихрем вдоль его кокона, и того охватила благодатная волна самости, Вершитель просто грелся в лучах, и его терзали уже постыдные эманации слёз! Мало того, что он стоял в постыдных эманациях, так он ещё и тёк слезливой благодатью! Он! Такого не могло быть в принципе! Его защита, оболочки, хитрые замки небыли преградой, их как будто вообще небыло! Светлый только и проговорил - «ну-ну, это случается». И от этого Вершителю стало невыносимо горько, что всё это было на виду и с ним!

Светлый прошёл к порталу, осмотрел и вероятно, что-то прикидывал, обходил раз за разом, и проговорил утвердительно: «Значит Он там, значит, что-то будет и значит - Оно началось, значит и мне там быть».

И уже обращаясь к Вершителю: «Вы тут за старшего нынче, не подскажите, где планы этого мира?»

Вершителя переполнило обожание! К нему обратились! Он, Вершитель, тёк как рыхлый стусок, и его трясло и жгло от лучей овеявшей благодати! И это было с ним! Он не мог поверить, но себе верил, что такое может быть. И собрав себя, сконцентрировавшись, протянул: «Чертежей нет и небыло».

Посмотрев на папки в руках Светлого, он замер - это были чертежи экспериментального мира! Но это невозможно, их все давно уничтожили!

«Откуда»?! - пронёсся предательски молнией безмолвный вопрос.

Светлый задумчиво листал бумаги, после осматривал местность серого мира, после опять листал, что-то похоже прикидывал, о чём-то размышлял. И проговорил: «А, вот, моя подпись! Значит здесь».

У Вершителя ураганом вертелось: «чертежи, его подпись, и почему я так постыдно теку под его взором? Кто Он такой вообще?!»

Светлый отвлекся, и произнёс, никуда конкретно не обращаясь: «Кто такой? Да вот прозрачный проходил? Вот мы с ним замутили некоторые хитрые вихри. Ты же понимаешь, экспериментальный мир не просто так, а для разного всякого. Было бы глупо не воспользоваться безграничными возможностями для чего-то большего, чем просто пожрать. А раз прозрачный был, и пошёл именно туда, значит что-то да будет именно там, Он всегда там, где что-то случается. Или случается там, где Он - это не важно. Хотя вон уже есть, значит всё не просто так. Вона, зри». И Вершитель, сквозь благодатное волнение его кокона, как сквозь слёзы умиления, направил внимание на пространство его серого мира, куда указывал Светлый.

И тут он узрел! Увидел в призрачной дымке, на грани его Вершителя восприятия, Мир! Иной и больше, Мир не такой, как этот, Мир иной, Мир шире и глобальней, но пока такой призрачный.

Светлый продолжил: «Это Мир следующего этапа, Мир иных возможностей, включающий выходы в большее число миров, с учётом ошибок прежнего. Мир Светлого, вопреки этому Серому. Этот серый мир постепенно станет частью того, окраиной, но добраться до того Мира, отсюда не выйдет, они излишне разные, жителя этого мира просто разметаёт на тусклые искры при дерзновенной попытке. Тот мир быстрее, и посему его и не замечал, да и его небыло ещё совсем недавно. Он проявился только, и проявился из мира экспериментального, наполняясь и крепясь, и вход туда тоже только через тот экспериментальный Мир! А раз видишь тот Чистый Мир, то прозрачному уже удалось многое.»

«Да не переживай, с каждым бывает, пройдёт» - ласково провёл упоительным вихрем по кокону Вершителя Светлый, отчего у того пошла волна благодати, распаляя внутренние потоки. «Это ничего, что течёшь - значит, не безнадёжен в своём коварстве, и оно выйдет, а что-то да останется в тебе, может и будешь светлым, а не в крапинку в этой банке кокона. Если бы прозрачный без своего кокона снизошёл вниманием хоть на дуновение вихря до тебя, вот тогда бы...» Светлый не стал договаривать, а Вершитель и сам догадывался, как его бы разметало на искры от переполнения волнами благодатных эманаций, поднятыми близостью прозрачного, выжигая и разрывая. Вершитель чувствовал себя мелким, ничтожным, и никчёмным. Эоны проведённые тут, как оказалось, не давали ему ничего путного, кроме гордыни, которую так легко разметали проходящие через этот серый день эти странные сгустки.

Светлый обошёл портал, активировал, куда-то дел папки с бумагами, и погрузился. Вершитель привычно пытался выполнить свою роль старшего, однако Светлый остановил его предвосхитя: «Да всё известно, не суетись и не волнуйся. Процедура обыденная, память там отключится, а информаторов и путеводителей обеспечишь. Только приставь своих самых лучших соглядатаев, не жмотись».

От такой обыденности, с которой ему сообщали про его потаённые шпионские соглядайские сети, Вершитель чувствовал себя совсем-совсем раздетым и вовсе без кокона. Он наблюдал за процессом, где каноны меняли часть структуры, оставляя не тронутыми прозрачные прожилки. Стусток напоминал движущееся скопление прозрачных прожилок, в густоте уже светящегося голубоватого шара.

«Да, Смертным, но раз тот чистый мир здесь уже, то всё не так безнадежно, как считали некоторые где-то там» - буднично сообщил Светлый. Прибавив: «Вот тебе кокон нужен, чтобы мир тебя не обижал, чтобы тебя защитить от внешнего мира, а прозрачный его использует, чтобы мир не испортить, чтобы оградить мир от себя, же это же хотелось спросить?»

Вершитель наблюдал за сполохами канонов, их извивающимися линиями, зрел вдали его серого мира, за пределами его возможностей обозревал ещё один мир, который был огромней, светлее, манил и пугал его. Он наблюдал, как схлопнулись витиевато сплетаясь нити канонов, охватывая Светлого уже с оттенком голубого неба экспериментального мира, и как светящийся шар стустка понёсся в тот мир. Книга судьбы Светлого всё ещё была открыта, и вдруг там, в безукоризненной чистоте проступило: «И обозрел Он содеянное, и был Мир прекрасен!»

От причастности к чему-то, выходящему за рамки всех допустимых для него понятий, Вершитель замер поражённый, и даже течь перестал. Он впервые видел и зрел, чтобы книга Судеб записала событие, произошедшее в Сером Мире Существования! Свершающемся буквально при нём! И это в мире, где ничего не менялось, НИКОГДА! И было заранее и всегда известно наперёд ВСЁ! А книгу Судеб всегда писали где угодно, но не тут! А это значило, что в этом замершем в своём постоянстве Мире Существования, неизменном, как были уверены многие, что-то менялось. И это что-то было грандиозней, чем они могли бы предположить! Но что это - им было неведомо!

Вершитель пространно следил за продвижение Светлого туннелями призрачного кокона Стикс Вселенной экспериментального Мира Жизни. Всё было

привычно и обыденно. Но что это?! Такого не может быть?! Светлый ступок приближался к запретной территории! Он выбрал для входящей посадки местность, которая была за чертой выжимки, за чертой, где Мир Жизни существовал! И там этот Мир уже не существовал в своём линейном мире! Его там попросту небыло! Светлый входил в Мир после часа «Ж». В Мир, после Жатвы! Но этого мира после жатвы быть не могло! Не могло быть вообще! Если только, но... Отменят Жатву?! Такое невозможно! А себе он верил! Ибо Судьбы мира не так часто меняются чтобы такое могло быть именно в этот момент! На его памяти такого небыло и быть не могло!

Вся Судьба мира ВСЕГДА изначально вносится в книгу Судеб! Определяя Суть мира и его концы от Засева до Жатвы. И только чуть-чуть переписывается, но не так же! Вершитель знал по рассказам, как может мощно и своенравно «надругаться» судьба над кем-то, искривив его линии Жизни. Он порой даже коварно потешался, ревнуя, чувствуя в ней конкурента. Но это там, там в мире Жизни есть Судьба, а тут, тут всего лишь Карма! Мягкая и поддавливая, рулить которой Вершитель уже давно научился, как ему казалось. И уж от неё он не ждал сюрпризов! Если и ждал, то не таких!

И вот она его била, била сильно и безжалостно, коварно и подло, как будто это была не мягкая, податливая и привычная Карма, а жестокая и коварная Судьба! Вершитель чувствовал, как привычный ему мир пошатнулся, и всё сильнее изгибается и колышется в своём непостоянстве! Вершитель давно уже наметил, куда пойдут ресурсы его доли от Жатвы этого Мира. Он давно подготовил пустые коконы для лучших сладостных ступков с этой Жатвы! В эти доли эонов, пронесившихся у его вытянутых в мольбе вихрях! Ведь он прогорал! Прогорал на пожалуй лучшем своём за все Эоны замышленном коварстве! Ведь недаром при его участии чертежи этого мира были ликвидированы, дабы никто более не смог продолжить это дело! Он не просто зрел этот момент, он чувствовал и понимал, что это крах его надежд! Надеждам, которые уже практически осуществились! Мир Жизни уходил буквально из его кокона! Его кинули в лучшем, нет, ИДЕАЛЬНОМ его начинании, кинули жестоко и подло, коварно и зло, мелко сжульничав, и крупно опустив! И как? Как даже он сам не мог себе представить!

Недоумеая, Вершитель открыл книгу Судеб Мира Жизни. Он отлично знал её содержимое. Недоумённо отворив её на последних страницах, он искал знакомые места. Вот и местный 1972 год от их эпохальной даты РХ, Год великой Жатвы! Он тогда недоговорил, информируя прозрачно, что тому осталось 15-20 лет линейной

текущей жизни в том мире, он недосказал, что этими годами нельзя будет воспользоваться, ибо мир проживёт ещё очень немного и будет сжат, выжжен, выкачан и использован! Он даже усмехнулся своему идеальному коварству, ведь даже воплотясь там, прозрачный не будет в силах что-то изменить, будучи ещё крохой! Это было ещё одно идеальное коварство в его копилке! Но...

Как это?! Вершитель не верил своему взору! Такого не может быть! Книга менялась прямо у него во внимании! Так не бывает! Вот! Вот ЭТО событие 1961 года от РХ местного линейного времени, что должно было точно завершить Жизнь Мира, ядерная война, что станет третьей и последней мировой войной, стуски будут растерзаны, перепуганы, прожарены в соку и максимально вкусны! Он даже подёрнулся волнением в сладострастных мечтах о восхитительных эманациях, как было бы вкусно и чувственно. Ещё бы, столько настаивали! Ведь прежние потуги войн не справились полноценно с этой задачей, ибо постоянно кто-то мешал, снижая накал страстей! Их искали и не находили! Но тут они постарались и подлили огня! Солнце, разжигаемое людскими страстями страха, ненависти, горя и желаний, вождения и страстей, должно было выбросить протуберанец и само вспыхнуть на этих эманациях людей максимально жарко, выжигая неготовые к такому повороту событий тела жителей и рвя целостность стусков, прожаривая до хрустящей корочки!

Но... НЕТ! Вершитель уже второй раз пожалел, что не умеет материться. Он дрожал и его бил вихрь озноба! НЕТ! Война не началась! Её коварно прервали, не дав разгореться! Как?! Вершитель же всё проверял – ведь не должно было ничего помешать! Но Вершитель верил в своё коварство и был предусмотрителен. Ведь был запасной план, 1972 год по любому стал бы последним! Уж по всем планам Солнце в этом году разгоралось бы, пожирая всё и вся! После этого кто разберёт в обломках и мешанине стусков кто дал команду, а победителей не судят!

Никто не знал про этот коварный и тайнейший план! Никто не мог знать! Он обнаружил эту возможность ускорения мира в чертежах, и передвинул дату пораньше, когда уже не будет возможности изменить и главное некому пережить, ибо будут не готовы! Он возбуждённо потирал вихри, веселясь своему коварству! Он уже готовил пустые и новенькие скорлупки коконов для материала. Но так не бывает!! Кто-то сместил в иное время разгон этого мира! Но как?! Он уничтожил все планы, все! Он ликвидировал все возможности управления системой отсюда, сдвинув рычаги и выставив линейное время, чтобы никто, НИКТО, даже Он не мог вернуть ничего вспять! Вдруг искра догадки пронзила его кокон сути...

Прозрачный... Вот... Как там правильное матерное слово?! Прозрачный сам оттуда сдвинул рычаг ускорения?! Но это НЕВОЗМОЖНО!

Вершитель в полнейшей прострации смотрел на Книгу Судеб Мира Жизни. Год 1972 от РХ, Лета 7480 от СМЗХ, год великой Жатвы, Год ЕГО НАДЕЖД на всё и год его бесславного поражения, ведь он даже не может ничего сделать, ибо Вихри коротки! А рычаги теперь все там, в том мире! ВСЕ! А он-то ТУТ! Близко, только протяни, но ТАМ! Он в бессилии взирал на уже безнадежно потерянные им такие изумительные надежды, а какие были планы, а как он...

Ой, Книга! Что это?! На странице Книги проявилась надпись: «Жатва перенесена на срок одного поколения, под мою ответственность. Подпись» Мою?! Чью мою? Подпись Вершителем не опознавалась, но она была и была незыблема даже для него! Подлая и скользкая мысль пронзила его насквозь: «Ведь это был Он, тот, за кем прошли ТУДА эти странные сгустки! А возможно Он был одним из них!»

Так вот откуда проявление этого странного мира тут, Вершитель глянул на тот ещё призрачный чистый мир, что недавно появился. Так вот почему Светлый так уверенно нырнул в запретную зону! Светлый УЖЕ знал о случившемся! Так вот зачем нужны были чертежи! Там была эта зона намечена, как нечто большее, что создавало этот Мир Жизни!

Увиденное не просто потрясло или раздавило Вершителя, оно его взорвало изнутри! Сказать, что Вершитель вывернулся наизнанку от всего случившегося, ничего не сказать. Его фрактальный «танец» безнадежного отчаяния был весьма странный и витиеватым, его метало и рвало, раскручивало и сжимало. Так не бывает, собравшись кое-как в себя, протянул он. Почему со мной... Подпись не читалась даже им, хотя он похожую подпись видел только раз в своём существовании и также не знал кто это и чьё. Он не был глупым тусклым и пустым сгустком, он уже понял, что это выходит за рамки любых его и так весьма огромных, а точнее неограниченных полномочий. И теперь стало Вершителю понятно, что полномочия его не такие уж и бескрайние! А это ведь сделал некто, кто, как выходит, в состоянии вершить Судьбы Миров, почти как те, кого не принято называть и мыслить. Почти... Или... Равный? «Во, влип...» - пронеслось у Вершителя, но тут он справился с пытавшимися его опять разорвать эмоциями.

Вершитель смотрел на Мир Жизни. Он знал, что не сможет, просто не имеет сил туда пойти, зная, что билет в один конец. «Там Он» - крутил Вершитель

слышанные им фразы. И понимал, насколько Он БЫЛ, чтобы сделать такое. Прямо при нём, в Книге Судеб добавлялись страницы, и проявлялись вёшки лет на линии Судьбы этого мира после отметки «Ж», как несбывшегося события, но которое было записано Эоны и тысячелетия назад, и именно предрекали пророки раз за разом на 1972 год от РХ. Вершитель отложил задумчиво ещё 15-20 лет. И заметил новый Час «Х», то был 1992 год. Это не Час «Ж», но перспективно, и можно попробовать. Чуть изучив линию событий, Вершитель приметил, разделив поровну, перспективные даты подготовки Часа «Х»: Час «П» - 1982, расположенный посередине и с розжигом от 1980. И Час «Ч» - 1987. У Вершителя мелькнула коварная мысль, а что если... Зачем мешать, когда можно подтолкнуть, ускорить, свершить раньше и погорячее! Ведь можно зажечь чуть раньше и раздуть? Никто не заметит, но тогда как рванёт... И он незаметно чуть-чуть пометил местами, сместив по ним событийную вёшку Часа «Ч» на начало 1986 года. Интересно, довольный коварством прикинул он, кто успеет раньше?

Вершитель смотрел на переживший его коварство Мир Жизни, и размышлял, что всё же неплохо он замыслил. Пусть кто-то смог отодвинуть, но он, Вершитель, может «помочь» разогнать так, чтобы... Чтобы... Ах, главное пораньше, и чтобы никто не заметил! Ведь тот тоже не будет себя обнаруживать! А случись само - какие претензии? Он же не мешал, он подталкивал и помогал! А за усердие в помощи не наказывают? А если излишне усердно толкал? А если вышло в результате раньше? Инициатива разве наказуема? «Всё же ой как коварен» - мелькнула довольная собой мысль Вершителя.

Глава 5. Начало

Младенец спал, спали и многие в палате, ничего необычного, обычный родильный дом, обычный земной день, обычная палата, обычный год этого мира. Вот разве только Солнце было непривычно жарко.

Он рассматривал Мир. Организм, получив очередную порцию белой жидкости, забив ей желудок, смачно занимался процессом выделения ингредиентов, отправляя излишки и разобранные элементы дальше по трубопроводу. Жидкость звалась молоком и получалась из смеси разнородного состава этой жидкости, которую собирали со всех тех, откуда они появились. После это перемешивалось и каждому доставалось. Все были равны и даже те, кому иначе было не положено получать такое молоко. Это было возможно высшее социальное равенство - каждому по потребностям, от каждого по возможностям. Все ели, ели хоть и одно, но ели досыта и все! И возможностями делились щедро, выделяя их в материал, коим их оборачивали. И никто, никто не ленился! Никто не говорил, что он сделал больше, потому ему надо больше вкусняшки! Все были равны в эти дни! Равны и счастливы. Может, не так разнообразно кормили, но всех! Но счастливы были по своему разумению. Как оказалось, оно было не у всех, разумение-то.

Он хотел познакомиться с соседями, но пока удалось только выяснить, что не все организмы заняты и полноценны, многие только готовы к заселению. Где-то уже загорался серый свет жизни, увлечённый собой, и не реагирующий. Где-то вообще небыло, только искорка. Часто их палату, а именно так звали их место обитания, посещали разные местные стустки самой разной светлости, оттенков, прозрачности, рыхлости и кривобокости, осматривали готовые для заполнения тела, и даже примерялись в некоторых организмах к уже сереющим тлеющим светом рыхлым стусткам, возможно с далеко идущими планами. Ходили стайками и поодиночке. Подбирали себе комфортное жильё на будущее, даже кипели обсуждения! Видимо это был привычный ритуал, где изготовленные тела выставлялись для заселения в осмотрном зале. Организмы маленьких двуногих, людей, как их тут звали, были заботливо упакованы, и периодически проводились внешние технические работы, по очистке, заправке, и удалению выделений. Приносили новых и уносили других в большой мир. Обычный день, обычного павильона обычной торгующей или распределяющей и сортирующей конторы.

Тела были разной конструкции, одних звали девочки, других мальчики. Девочки предназначались для прогулочного по этому миру варианта, что-то типа отдыха от будней иных миров, где организм на автомате возит вас по местным достопримечательностям, а вы кормитесь местной экзотикой по дороге. Организм этого типа исполнял минимум обязанностей по воспроизводству тел, и был свободен всё существование. Оттенок цвета таких зарождающихся там сгустков имел розоватый, со временем переходящий в красный оттенок. Эти организмы пристраивались куда-то или за кем-то, и текли по инерции, стайками, от рождения и до жатвы, которая тут звалась смертью, ибо откормленный сгусток менял меру жития мира. И на выходе имел серый свет красного оттенка. Низкопробный материал, как считалось у приёмщиков в сером мире. Да и что вы хотите от рыхлых и ожиревших в безделье сгустков, которые этот свой жизненный эон прокатались и просуществовали в этом закрытом и пропахшем ими вагоне? И они даже не шевельнулись, или может пару раз шевельнулись, в остальном за них рулила автоматика тела, а они, завидев вкусняшку, с криками «хочу» - рвались к ней, и обижались, если не доставалось.

Те, кого звали мальчиками шли в этот мир за каким-то делом, чтобы что-то изменить, свершить или сделать. Планов громадье, куча задумок, но они ещё не знали, что постепенно увлекутся этим миром, и память их с задумками останется там, за чертой. Да и знали, но в очередной раз надеялись обмануть. И только во снах и мечтах им являлись их громадные планы, и ожидаемые свершения. Но... Только пред смертью всё возвращалось и вспоминалось, но было поздно. Воспроизводством тел мальчиков не обременяли, хотя они и могли, но это осталось в прошлом, когда сгусток всё же разгорался, и тогда мальчик мог снести потомство. Впрочем, частично это происходило у части в течение жизни, и местные звали это аппендицитом, и детородный орган удалялся под предлогом воспаления, хотя там зарождалась жизнь. Впрочем, она была не жизнеспособная чаще всего, это был обычный блин комом. Такое могло быть как у мальчиков, так и у девочек с синеватым оттенком.

Были и те, кто был типа мальчиком и типа девочкой, сдав необходимый минимум, вроде как намеревался делать по плану, обещал делать и строить, но только для того, чтобы заполучить более горячее тело, или более спокойное. Оттенок серого сгустка мальчиков был голубоватым, становясь синим, а значит более быстрым и перспективным, сулящим больше вкусняшек. И сгустки шли на ухищрения, чтобы заполучить! Они якобы намеревались делать, но после вовсе им что-то мешало, а значит, можно было быть туристом, вкушая вкусняшки, и слать

отчёты, что ничего не выходит по объективным и независящим от них причинам. Впрочем, таковые были в организмах девочек, где рвались делать, но не совершать, но вкусняшек подай за сделанное.

Были и средние, их мало, это мальчик и девочка в одном флаконе. Оттенки самые разнообразные, но в основном тусклые серые. Эти были без определённых обязательств, свободные художники и туристы. Их некогда задача была творчеством, ибо не обременённые обязательствами. Они могли плодиться, правда, не умели, и свершать, правда, не хотели. Особо не пользовались спросом в силу специфики. Гораздо проще быть мальчиком типа девочка, или девочка с мальчиковым уклоном. И в этом случае оттенок красного переливался и другими цветами, впрочем, как и синего. Обычно синий оттенок тускнел со временем жизни.

Он опробовал свои навыки былой магии этого мира. Часть была не действующей, часть вполне функционировала. Чего же местные не пользуют? А! Они когда-то зазубрили «верные» магические ритуалы и пользовались, пока концы мира не повернулись и изменились и «верные» заклинания просто перестали действовать, а как адаптировать их уже никто не знал. Ведь никто же не хотел учить какие-то там руны, когда можно зазубрить, воскликнуть и получить! Но прошло время, мир поменялся, истинные некогда знания стали не такими и истинными. И слова те же, а эффект никакой! А они продолжают, долбит заклинания, методики и техники «верных» учений прошлого, искать секретные фолианты с истинными знаниями, которые от них кто-то «спрятал», как им кажется, а подсунул туфту. Зато в поисках хоть не отсиживают сидалища. Впрочем, кто как. Кто-то ищет, не сходя с места, мечтая.

Времени было много, за организмом ухаживали заботливые руки нянечек - так звали больших людей в халатах женского полу, были это большие девочки, часто только по размеру тел, кто проводил внешнее обслуживание молодых организмов. И можно было наблюдать, разве что, выполняя некоторые стандартные процедуры, радующие всех. Принципы просты и понятны - таращить глазки, издавать звуки «а», «у» и другие понятные большим людям команды, отчего они сразу меняли поведение. Сигнал «Ааааа», варьируя громкость, подзывал к себе окружающих. Это была кнопка вызова с голосовым управлением. Питание подавалось по расписанию. Выделять всякие всячины желательно было тоже по нему же, иначе приходилось лежать в мокром непотребстве до плановой замены материи, что неблагоприятно сказывалось на функционировании организма, где он соприкасался с тёплыми поначалу, но едкими выделениями. Приловчился делать это к моменту прихода,

когда большой диск на стене ставил палочки-стрелки в правильные позиции, это называли часами. В целом не так сложно.

Но зачем они ходят, если можно летать? Присмотревшись к местным повадкам, было сделано заключение, что в местных обычаях летать не принято, это считалось неприличным и даже ужасным, и потому не использовалось. Они занимались тренировкой нижних конечностей, занимая их ходьбой, и так увлекались, что именно это получается лучше всего, что больше им ничего не хотелось. Надо быть осторожней, а то расстроятся, потому он практиковался в часы, когда никого постороннего и больших людей небыло. Такого времени было достаточно.

Мир был беспокоен энергиями, и левитировать было несколько неудобно, можно было промахнуться. Перемещаться сразу куда-то - тоже было сложновато. Но, подкручивая и адаптируя навыки, удалось добиться кое-каких успехов. Следы успехов отпечатались на потолке палаты, в виде профиля запелёнатого младенца. Что очень дивило заметивших на потолке этот след. Периодически пытался переместиться, когда никто не видел, т.е. все отсутствовали, кроме своих. Удавалось сместиться, но не вернуться. Как-то нянечка заметила младенца лежащего на пеленальном столике одного. "Как так?" - сказала она. И переложила. Иногда его находили у соседей по палате - грудничков, лежащего рядом с кем-то из них, которые, как нянечкам поначалу чудилось, пытались беседовать. Нянечки быстро привыкли к чудачествам палаты и не замечали странностей, периодически возвращая странного младенца обратно на его место. Не объяснять же нянечкам, что они тут активно приобщаются к этому миру? Да и не поймут.

Сенсоры глаз, как звали визуальные органы, постепенно настраивались. Сенсоры глаз в этом мире представляли собой весьма хитрое устройство. По виду простое, но имеющее, по сути, не ограниченные возможности. В примитиве оно смахивало на обычный сенсор первых моделей, где весь мир измерялся через заложенный изначально шаблон. Это было ограничение. Потому как всё, что выходило за рамки шаблона, было просто не видимым! Это как смотреть на мир через изготовленный изначально дуршлаг. Такие системы стоят на первичных организмах тел этого мира, и на технике людей, считающих, что они скопировали строение глаза. Ага, счас! Они скопировали своё самомнение о том, что знают.

Глаз и сложнее, и проще. С некоего момента, стало не логично ограничивать себя таким забором, и стали ставить дифракционные устройства, работающие на принципе сравнения разделения. Этот принцип позволил не штамповать кучу

шаблонов, сделанных раз на всю жизнь, обмениваясь ими, а организовать самонастраиваемую систему, в которую можно загружать изменённые шаблоны и самому править. После, отработку шаблонов и вовсе переместили в этот глаз. А потом и вовсе исключили шаблоны, оставив весь спектр, оставив шаблонам только первичные функции для пользования ума. И глаз функционирует элементарно просто - в него закладывают параметры верхней границы частот - светлым светом, и нижней - чёрным светом. А разницу между этими пределами определяют как цвет, точность распознавания которого зависит от самой системы, а не сенсора. По сути, это напоминает обычную реку, где в общем потоке ставят 2 стенки, и протекающая между них жидкость анализируется по скорости своего прохождения в естественном состоянии. Организм получает в итоге шкалу частот, и уже от него зависит, что с ними делать, чем быстрее работает система, тем больше деталей видно. Чем быстрее внешний поток, светлее, и разнообразней частотой, тем больше мелких деталей можно поймать. Впрочем, на первых парах, да и у тех, кто пользуется только умом, шаблоны функционируют на автомате, а кто их, шаблоны, воспринимает и после как истинный мир, и заглянуть за них не пытается.

Эту систему так и назвали - частотным разделителем. А вкуче с обработчиком - был уже анализатором. Он был настолько прост, что его устанавливали везде, куда не попадая. Даже в выдвижные «усики». И даже некоторые системы представляли один сплошной глаз! Он был самодостаточным! Что важно, данный тип анализатора легко переделывался под разные частоты, что люди называли звуковыми, световыми, вкусовыми, обонятельными, и даже чувствительными! Впрочем, усложняя систему до модели люди, обработку сигналов вынесли в сами сенсоры, где организовывалась постепенно некая база первичных образов, уже которые посылались дальше. Это позволило не просто упростить основной центральный вычислитель, но и в части моделей обойтись вообще без него. Такое существо двигалось, функционировало, осуществляло все полезные социальные функции, его вовсе не отличить от остальных. Оно даже обновляло базы образов, часто, правда, копируя их с других, или беря с источников образов, что нынче назвали книги. Или просто загружая визуальные образы напрямую через глаза. Оно вырастало, зазубривая правила, и существовало! И единственно, что не исполняло это существо - оно само не могло ничего, кроме стандартного! И требовало руководства! Оно было мальчиком или девочкой, или кем угодно, чьи образы переняло с внешнего для него мира.

Оно действовало по шаблонам, стереотипам, отзывалось на рефлекс,

совершало заложенные или адаптивные действия, но не имело никакого СВОЕГО мнения и не могло принять решение, кроме стандартных, уже опробованных и имеющихся, использовалось только взятое у других. Именно это заимствованное мнение становилось его мнением, и тиражировалось, добавляя наработки собранных уже им образов. Попытка вывести это существо на что-то новое, вызывала в нём панику, сродни краха мира. Попытка задать вопрос вне базы его данных - либо блокировалась, и попросту не замечалось, либо вызывало панику, иногда до глубочайшего выхода из себя. Впрочем, его существованию в мире эта тонкость не мешала, ибо приличные объёмы данных, которыми владел каждый из таких существующих, а в парном и большем числе участников, объединённом существовании - они владели расширенной базой, были многие готовые решения на все случаи их жизни. И даже сгруппировавшись в толпы, объединения, группы и могли быть некой сознательной и дееспособной единицей, даже вершащее что-либо, пока не распадалось на отдельных людей со своими шаблонами. Чего в их шаблонах небыло, для них попросту не существовало. Они попросту не видели этого, не чувствовали, этого в мире для них небыло! Однако толпой или группой они могли выработать новые шаблоны, и загрузить всем участникам, ибо они вместе были некой Сущностью, а по отдельности никто.

Эти существа часто самоуничтожались, группами и поодиночке, особенно оставаясь в одиночестве, и старались везде ходить в поисках новых образов, набираясь ими, чтобы быть готовыми к некому эпохальному событию, которое их пугало своей неизвестностью! Зато там же и вкусняшки! В чём неизвестность? В том, что в их базах знаний небыло образа под действия в этой ситуации. Мир, по сути, для них тут же переставал существовать, они оставались не в фигуральной, а буквальной пустоте. Т.е. вот тут есть мир, а тут нет. Тут есть, а тут нет! Потому они всегда цепляются за стандартное и привычное, а лучше старое, не в силах перепрыгнуть пропасть, даже если там вкусняшки. Новые же особи, с новыми данными, кажутся продвинутыми, но это пока новые данные по уже изменившемуся миру в них накапливаются, а после они остаются прежними страшящимися, впрочем, сидящими чуть дальше прежних. Чтобы не выпасть из привычного, они зацикливали события, и начинали ходить кругами, так можно было сохранить привычные образы и решения, которые всегда повторялись. Чтобы их не вытащили, они всегда выдвигали причину, почему им надо тут быть - они ещё не готовы, и старались остаться на привычном месте, бывало до парализации. Новое событие вызывало поток новой информации, которую нечем обработать, просто нечем! Этот поток называли Страх, и его наличие означало новое и неведомое в шаблонах. Если

привычные образы так и не находились то, заполняясь потоком страха, существо гибло от парализации. Этот способ деактивации систем использовался широко для сбора урожая - достаточно показать неизвестный образ, как существо тут же впадало в оцепенение, и легко бралось без всяких усилий.

Собственно настройка сенсоров не представляла никакого труда, надо было выбрать самый светлый тон, и самый чёрный и, зафиксировав их, задать первоначальные параметры. Так проявлялось чёрно-белое зрение. Оно было примитивным и скудным. Впоследствии, если встречаются иные условия, то глаза легко можно адаптировать. Ввиду особенностей мира, делается это не сразу, а с некой инерцией. Если хочется быстрее, то просто перезагрузите глаз, сжав его, и открыв, он сам установит граничные коэффициенты и адаптируется под свет. Или при смене яркостных полос света, один глаз прикройте веком, сохранив настройку на прежнее состояние. Впрочем, именно для этой цели служат непрозрачные кожные крышечки - веки, сжимая угол зрения по вертикали, давая дополнительный дифракционный эффект, при малых щелях зазора. Впрочем, на свету детали всегда чётче, чем в темени. А серость бледного мира находится на грани восприятия. И именно эта особенность глаза позволяет адаптировать его к темноте, более яркому свету и к иным краскам мира, смещая диапазон. В то время как наполняемость диапазона определяется потоком самой среды, и способностью окончного анализатора, мозга, разложить на частоты, если мозг есть, конечно, а не его жировая бутафория.

Особенности «потока» света мира так же не будем забывать, ибо отражённый свет, т.е. свет от предметов, или иных материальных сущностей мира, отражаясь, приобретает свойства этого мира, теряя часть самости, становясь зависимым от частот объекта отражения. В тоже время прямой свет, или отзеркаленный свет имеет полный спектр базовых миров, и не затухает при прохождении в прозрачных для него средах. Свет вообще никуда не ходит, образуется дорожка, трещина мира материи к начальной самости, которая с дальностью может затягиваться, под давлением сути мира. Она линейна, но вне мерности, а потому освещает своим присутствием только материальные объекты по этой «трещине» мира. Впрочем, она естественно может изгибаться с кривизной самости мира. И чем меньше материальное давление мира, тем дальше распространяется трещина, но она есть на всём протяжении, и проявляется для мира мгновенно, но на материи, освещая, и не принадлежит этому миру, пока не столкнётся с материальностью уже, которая проявит её в отражённом свете себя. Тогда и только тогда, трещина завершается,

вызывая вторичные волны, как волна прибоя, и вот этот отражённый от объектов свет, мы и воспринимаем глазами. И дальность такой волны от материальных объектов отражённого света весьма недалека и, кстати, имеет скорость распространения, в отличие от света источника, т.е. трещины. Потому логично первоначально заложить широкие границы для зрения, что и делалось.

В палату заглянул несколько больших людей. Одного звали доктор. Осматривая младенцев, произнёс: «Ух, как глазёнки голубые таращит!» Но взглядевшись в глаза ребёнку, замер. Пот испарины проступил на его лбу, он не мог двигаться, глядя младенцу в глаза! Он просто не мог шевельнуться!

«Так, большие люди, куда смотрят? Он зачем смотрит в глаза?! Так, глаза, закрыть, отвернуть!» - Младенец перевёл взгляд глаз на потолок. Доктор вздрогнул, почувствовав, как оторопь спадает, а к нему возвращаются движения. При всём своём твёрдом материальном убеждении, он это видел лично и прочувствовал по самые глубины себя самого и то, как волны страха прокатывались по нему, и как что-то большое смотрело на него и в глубины его, причём насквозь просвечивая чем-то, и он не мог двинуться, а только пот градом струился. Что это было, думал он, этого не может быть! Никто не поверит! Младенец же сделал вывод, что надо учиться, не смотреть в глаза напрямую, а лучше сквозь, дабы более такого не повторялось. Ибо тут лишь «люди, такие люди».

Созерцая мир вокруг, было замечено, что к ещё лежащим телам прибывали частью довольно ярые сгустки. Они могли занять уже готовый организм, а могли попросту усвоить уже имеющегося там ещё рыхлого серенького сгустка. Было видно, как в этом яром и несколько большем сгустке, тот серый сгусток прежнего хозяина тела чувствовал себя даже в тепле и неге, пока не растворялся там без остатка, и возможно это было для него лучшим. Впрочем, это нормальное явление для серого мира, который люди тут прозвали духовным. Собственно, почему духовный? Потому как туда добро ух и уходит. А что у нас добро в этом мире жизни? Это вот эти комочки сгустков, что тут выращиваются на местной материи, наливаясь и становясь ярче. И чем ярче, тем активней, ярими, т.е. активным материальным светом. Впрочем, они не могут вырваться из этого мира, слишком яры, их просто разорвёт, как переспелые фрукты, и именно этого ярого приплода ждут там, в сером мире.

Впрочем, яркость и целостность не одно, и яркий легко распадается на искры, или даже может быть усвоен, а точнее ассимилирован тем серым сгустком, которого

он в себя поместил точнее, обволакивал своей заботой, постепенно погрузив в себя. И тот, что более ровный, не в силах быть усвоенным ярим, ибо нет зацепок, постепенно, под теплом ярого сгустка, что его обволок, становится больше, пока не ассимилирует ярого. В целом ничего необычного, обычная проблема родителей и детей без прикрас и жеманства.

Присматривая за большими людьми, он обратил внимание, что у многих взрослых особей вовсе не использовались мозги, они были залиты добром, что готовилось к передаче в серый мир, т.е. к духовному пути. Фактически они представляли слабый тлеющий огонёк тусклого света, что грел огромный бак с добром для серого мира. Иногда они пользовались этим добром сами, подогревая и разжигая огонёк своего тусклого сгустка, передавая ему это для питания. И тогда их сгусток, накормленный, начинал светиться, но это длилось не долго. Этот режим звался медитацией или пассивный отдых. И приводил только к большей подсадке на накопленные запасы и истощению внутренних ресурсов, которые было принято пополнять либо из внешних источников, либо выпрашивая потоки и вызывая жалость. Впрочем, это было пока, свет тусклого сгустка ещё теплился. После эти существа переходили в полное автономное существование автоматов в тех принципах и шаблонах, кои раньше наработали. Оглядывая мир, он отметил, что таковых, с тусклыми или уже отсутствующими сгустками тел людей, было множество по миру. Они как автоматы, как тут звали - роботы, были обывателями, выполняли некую работу, они вроде жили, вроде бы жили, а точнее подражали жизни, продолжая существовать, шевелясь в подобии движения, всячески стараясь занять замершую позицию и затихнуть.

Интерес вызвали немногочисленные, но приличным числом имеющиеся, кто променял свой свет сгустка на предобрейшее. Фактически они выработанное добро пускали, выжимая из себя, на облегчение, как им казалось, своего существования. Для этого они даже занимали у других людей и не только людей, часть добра, и даже собирались в некие духовные пирамиды, где передавали друг другу добро, умоляя кого-то сверху его принять. Этот кто-то был, в сущности, обычным автоматом, что менял бодро на некие снисхождения и, подкармливая сгустки, что вились кругом, но не имели тел. Те же сгустки порой сводили линии путей так, чтобы у кормильца был более вкусный им путь, им и доход выше. Заодно управляя их движением, подсказывая, направляя, управляя, и даже замещая при удобном случае хозяина, что было не редкостью! Ведь хозяин сам просил свыше прислать руководителя его дел, и даже приплатил добром! Вот и прислали более опытного,

естественно с пользой для себя.

Ярые стустки бывалыча, видно умные, заняв тело, не усваивали тусклых, а продолжали их держать при себе, не давая разгореться, они существовали в теле наравне, подавляя его волю и существование, но подкармливая. Подменяя его желания своими, оставляя немного добра на пропитание им. Зачем? Как выяснилось, хитрость была проста, ибо к моменту старения, серый стусток, откормленный, но такой же тусклый, попросту получал своё тельце, уже порядком потрёпанное и старое, которое уже не могло ему дать прироста добра, оно было изношено, и существовало на автопилоте ума. Фактически тело само пополняло нужные запасы, или высасывая при этом этот тусклый стусток. При этом стусток, заполучив управление, попадал в мир своего детства, в котором и пребывал эти годы. Его последней надеждой становилось обменять у приёмщика добро на свет, и он активно сдавал наработки мозгов, сиюсь получить капли света в обмен. Это была та же медитация, когда только не сами, а некто иной, обработав набранное, возвращал толику на продление его света. И он, отведав чуток, чуть преобразался, пока опять не становился голодным.

Интересная попытка получения с внешних источников также наблюдалась, когда этот же стусток, тряся окружающих, вызывая в них эмоции в свою честь, получал некие эманации, что его подкармливали. Особенно вкусны были молодые эманации и, возбуждая своими возмущениями детские неокрепшие организмы, в порывах их страстных возмущений, обратно в ответ получали искомые выдоенные эманации, фактически паразитируя на них. Впрочем, это наблюдалось не так и редко. Этот способ дойки был, пожалуй, весьма распространён. Это было даже на уровне рефлексов - возмущение, кинутое в кого-то, должно было быть вёрнуто вкусняшками эманацией. Ничем не хуже обивки плодов с деревьев, обычное собирательство. К тем же, кто не выделял эманаций, применялись более сильные методы - угрозы, слёзы, стоны, показательные страдания, и уж когда арсенал кончался, к ним теряли всяческий интерес. А если кто-то ещё и радостно смеялся в ответ - это был даже ужас, ведь захватываясь эмоцией радости, такие стустки начинали разгораться, потребляя уже из собственных запасников, или даже запускаясь генератор внутри! Т.е. вместо того, чтобы получить извне, захваченные радостью, они теряли собственные накопления и даже, о ужас, раздавали их окружающим!

Вариантов организованно множество. Кто-то выращивал специально молодую поросль, чтобы с возрастом они передавали свои силы света добра им, фактически выдаивая или даже высасывая их. Естественно всячески стараясь удержать такой

источник подле себя, и не делиться ни с кем. Имеющих собственные генераторы света было ничтожное меньшинство в этой массе существующих по всему миру. Казалось, что мир заполнен сплошной фабрикой по производству серого добра, где изредка мелькают огоньки стустков более или менее ярких оттенков, но давно замаскировавшихся под действительность.

Обратиться к полной базе миров он не имел права, ибо присутствие его внесло бы необратимые изменения в структуру мира, и мир бы разогрелся и схлопнулся раньше намеченного. Стустки мира постепенно наращивали объёмы сбора добра с этого мира, и давление их эманаций в мире - Вселенной повышалось. Предохранительные клапаны были предусмотрены, и когда давление достигало некоего максимума - крышка приоткрывалась, и давление сбрасывалось. Для резкого наращивания давления служили внезапные проявления общенародных мессий, которые увлекали людей идеей, и которые под воздействием этой идеи и в общем порыве громили мир, ускорялись, разгорались и повышали выход серого добра, гор эманаций разного плана, а заодно наращивая давление. Печь солнца, разгораясь от горения этих эманаций людей, попросту выжигала содержимое, делая варево, готовое к обработке. Процесс нарастал лавинообразно - Солнце жарило, люди делали больше, солнце жарило сильнее и так по кругу. Пока всё не выгорало, или не утихали люди, отупев и погаснув стустками их.

Уже покинув палату и дом рождения, как тут звали этот процесс, он, лёжа под деревьями, наблюдал и взирал на мир. Отметил, что в разговорах людей было замечено волнение, что Солнце в этот год было особо ярким. Сверившись с известным ему графиком, выяснил, что это что-то не так. Местную и общую базу трогать нельзя, дабы не выдавать присутствия. Да и вообще полагалось использовать маскирующий кокон, снижающий ярость, яркость, мощностность и осуществляющие прочие маскировки и отмежевания для защиты мира, дабы не внести изменения в суть этого мира ненароком. Слушая новостные каналы, порывшись в бумагах, доступных людям, обнаружил странные вещи - было как минимум несколько попыток, а сильных даже 7 попыток, раздуть мировой пожар, чтобы люди этого века сами прожарили себя. Влияние извне? Но мир закрыт! Посланники, меняющие и увлекающие существующих людей к некой цели и отталкивающие иных, которые не идут, подчиняясь самоуничтожающей идее под видом всеобщего блага.

Это было странно, но не необычно. Странно, что некто нарушил договор, а не необычно, ибо это было принято там, в серых мирах. Они и тут увлекались идеями

сборки духовных эманаций людей, которые готовы были биться в споре, у кого очередь на эту сдачу эманаций лучше, и у кого конфетка духовности толще. Настроена, отреставрирована и просто откопана из руин прошлого масса зданий заготовки эманаций, куда люди несли и несли их, надеясь купить прощение! Купить у них? У серых? Что купить? Жизнь? И кто купить? Их еда? Вот странные - что они сделают с коровой, если та постарается у них выкупить своё существование? Да первую забьют как бешенную в страхе перед ней! И будут холить, и лелеять пока даёт молоко, а как престанет - на выжимку и иные продукты, вплоть до рогов и копыт.

По местному шёл 1972 год от РХ. Он взирал на этот мир, и понимал, что Час «Ж» уже вот он, он придёт незаметной поступью, а разросшаяся жара, доставая до самых глубин духотой, просто выжжет зноем последние сознания людей! А их организмы попросту распадутся, выделяя «сок», как в этакой сокопарилке, источая соки стустков из разорванных оболочек, что вожделеют и жаждут собрать там «свыше», готовые частенько поступить ради дохода не совсем корректно. Но кто их осудит, если всё будет чисто?

А раз ждуют урожая отсюда, то значит, значит откроется приёмное там и сливное тут отверстие! А это шанс! И шанс надо было использовать! Он рассредоточил видение на плоскость мира, искал место утечки стустков, ведь в это время их уход будет особенно массовым. И вот, вот воронка! Посланный в её сторону импульс, ударом перенапряг линии силы, и давление там локально подскочило. Клапан конечно по плану «свыше» должен был открыться, пропуская всё больше, но с довеском скорость нарастания давления превысила его возможности, и он, скрутившись внезапно налетевшим потоком заткнулся! Он попросту сломался, перекрыв слив, и навсегда. Возможно, этот клапан был последним, и мир не имел более шанса. Впрочем, шанса у мира и так не было теперь или потом. Однако волна, вызванная ударом, откатила пребывающие жатвенные эманации от печки-Солнца обратно к миру-Земля, затягивая их постепенно в водоворот Земли, вызывая пресыщение их. Что конечно было воспринято местными как кайф, эйфория, и даже блаженство!

Да, мыслил он, смотря на обратную волну эманаций - возможно, именно это время запомнится им, людям, как самое счастливое. Впрочем, есть и побочный эффект, пресыщение эманациями вызовет бурный рост духовной составляющей, которую теперь попросту никто не будет забирать, ибо последний путь отрезан Им с поломкой клапана. Эманации будут копиться, поступая на самих себя для людей,

усиливая их, но не всех и не тех же, ибо те ещё не могут принять чистые эманации неба Земли, а возможно на детей. И впитываемая людьми же из пространства, куда её будут выделять по привычке живущие, ожидающие благодати свыше в их порывах торговаться с тем или иным Богом, очищенная небом Земли, будет разжигать огонь духа в телах людей, всё ярче с каждым витком и волной поколения! Нарастающее давление в системе не даст разгореться ярче печке Солнцу, выжигая, и этот баланс будет держать некоторое время этот мир, пока что-то не откроют, стравив возросшее давление, или серые не найдут следующий клапан. А пока только будут следить, сверкая огнями, да брать пробы, через случайные туннели. И Богов в этом мире теперича более нет, а мир теперь полностью свой собственный! И зависит лишь от САМИХ Людей. Вот расстроятся, если узнают.

Да и какие теперь Боги? Боги остались там, а люди здесь, правда есть вход, но многие ли ненормальные им воспользуются, зная, что это билет в один конец, с последующей разборкой. Он задумался, впрочем, события приняли необычайный поворот, и мир снова попал под его ответственность, которую он сам взвалил, решив продлить срок Жизни этого Мира. А значит...

Он привычным росчерком пространственных флуктуаций собрал кармическое послание: «Жатва перенесена».

Помедлив, прибавил: «На срок одного поколения».

И хмыкнув, добавил: «Под мою ответственность».

Ах, да, и проступила на этом послании Подпись.

Замкнув послание Подписью, погрузил его в поток кармы этого мира, река коего, являя собой космическую кровеносную систему ментальных эфиров, понесёт его к самой точке схождения и расхождения Всех Вселенных и Всея Миров, доставив по назначению.

Он продолжал лежать в коляске, как звали тут перемещаемый аппарат для тел его вида и возраста, взирая на мир голубыми глазами, наслаждаясь его ароматами, теплом трав, шелестом листьев, жужжанием насекомых, и начинающимся движением. Следил, как спадает жар огня Солнца, возвращаясь в норму, ещё недавно жёгший неумолимо. И рассуждал - теперь есть только один путь, путь вперёд. Конечно они, кто это устроил, будут искать и найдут. Возможно найдут. Но они не знают этот Мир так, как знал его Он. А Он знал его базовый принцип, заложенный ещё в неумолимые начала, который не смогли постичь, а соответственно и повторить такой же мир, никто из тех и этих там «свыше», а они

старались, ох старались!

А принцип был банален и прост: «В этом мире возможно всё, но лишь сообща и под ЛИЧНУЮ ответственность ЛИЧНО свершающего и никак иначе». Мир Един во всех в Единстве всех. Позже этот принцип назовут: «Бог во всех и каждом».

Теперь же в Мир были введены дополнительные условия, что задали основу нарождающемуся, но уже отличному от прежних пророчеств и канонов будущему. Будущему, которое местные могут построить сами, если захотят.

Он задумчиво и величаво пропел Слово, погружая его переливы в анналы незыблемого Сущего Сутия Хроноса. Как некогда давно, закладывая этот Мир, Творя в Единении Единого принцип и основу, базу и могущество, непостижимость и величие, возможности и неограниченность, дол и бесконечность, пустошь и бездну, чёрное и белое, свет и темень, воду и огонь, воздух и твердь, Созидал:

«Да будет Мир Всея во Всём Мире!»

И величаво обзрев уже обновляемый Мир Единого, да и сбежать отсюда уже никак не выйдет, и ставший теперь ему родным по праву полного рождения, с его обязанностями и правами, произнёс, впечатывая в анналы Хроноса под свою ответственность:

«И будет Мир Хорошь! Да будет Так!»

[Невозможное возможно, часть 3, 15/12/2011, DmitrijAN, иллюстрация обложки HelPaint&DareToBelieve]